

RU

Участие промышленных рабочих в сплошной коллективизации Тамбовского округа в первой половине 1930 г. Взаимодействие с властью

Косенков И. А.

Аннотация. Цель исследования – показать организационно-политическую деятельность рабочих шефских бригад и 25-тысячников в начальный период сплошной коллективизации в Тамбовском округе в контексте взаимодействия с партийно-советскими органами местных властей. Источниковой базой статьи послужили архивные материалы, а также опубликованные документы сборников и региональная периодическая печать первой половины 1930 г. В статье раскрываются этапы мобилизационной кампании посылке промышленных рабочих, в основном с предприятий Выборгского района Ленинграда, в тамбовскую деревню. Выявлены и установлены методы, которые применяли рабочие для достижения требуемого результата по коллективизации и раскулачиванию. Показано, что использование в качестве руководителей колхозных организаций городских рабочих во многих случаях малоэффективно. В статье обосновывается формально-бюрократическое отношение со стороны местных властных структур к условиям жизни и работы ленинградцев, представлены документальные доказательства материально-бытовых трудностей, с которыми они столкнулись во многих районах округа. Это способствовало проявлению у некоторых из них девиантного поведения, упаднического настроения и в результате распространенной тенденции к отъезду на свои предприятия. Научная новизна исследования состоит в привлечении новых архивных материалов и опубликованных документов по исследуемой теме, в том числе сведений об участии на начальном этапе коллективизации рабочих шефских бригад, ранее мало изученных. В статье впервые акцентируется внимание на различиях между рабочими шефских бригад и 25-тысячниками, проявившихся в их изначальной подготовленности и дальнейшей деятельности в тамбовской деревне. В результате проведенного исследования установлены как положительные, так и отрицательные стороны деятельности рабочих в период проведения сплошной коллективизации Тамбовского округа. Ленинградские рабочие оказали конструктивное влияние на преобразование тамбовской деревни в технических вопросах, в социально-политической и культурной сферах. В то же время ими были допущены серьезные ошибки и перегибы в деле коллективизации. Во многом это было обусловлено их взаимодействием с местными партийно-советскими органами власти, которые не оказывали им должного руководства и помощи.

EN

The participation of industrial workers in the full collectivization of the Tambov District in the first half of 1930. Interaction with the authorities

I. A. Kosenkov

Abstract. The aim of the research is to show the organizational and political activities of worker patronage brigades and “25,000-ers” (25,000 workers) during the initial period of full collectivization in the Tambov District in the context of their interaction with local party and Soviet authorities. The source base for the article included archival materials, as well as published collections of documents and regional periodicals from the first half of 1930. The article reveals the stages of the mobilization campaign for sending industrial workers, mainly from enterprises in the Vyborg District of Leningrad, to the Tambov countryside. The methods used by these workers to achieve the required results in collectivization and dekulakization were identified and established. It is shown that the use of urban workers as leaders of collective farm organizations was often inefficient. The article substantiates the formal-bureaucratic attitude of local authorities towards the living and working conditions of the Leningraders, presenting documentary evidence of the material

and domestic difficulties they faced in many districts of the region. This contributed to deviant behavior, despondent moods, and a widespread tendency among some of them to return to their enterprises. The scientific novelty of the research lies in using new archival materials and published documents on the topic under study, including information about the participation of worker patronage brigades in the initial stage of collectivization, which has previously been little studied. The article for the first time focuses attention on the differences between worker patronage brigades and "25,000-ers", which manifested in their initial preparedness and subsequent activities in the Tambov countryside. As a result of the research, both positive and negative aspects of the workers' activities during the period of full collectivization in the Tambov District were established. The Leningrad workers had a constructive influence on the transformation of the Tambov countryside in technical matters, as well as in the socio-political and cultural spheres. At the same time, they made serious mistakes and excesses in the process of collectivization. This was largely due to their interaction with local party and Soviet authorities, who failed to provide them with proper guidance and assistance.

Введение

Актуальность темы исследования заключается в малой изученности и превалировании одностороннего подхода к оценке участия промышленных рабочих в коллективизации на разных этапах развития страны. В советский период организационно-политическая деятельность рабочих в колхозном строительстве имела исключительно положительную оценку. С начала 1990-х гг. промышленные рабочие рассматривались лишь как проводники и исполнители политики центральной власти при проведении насильственной коллективизации, «они стремились провести ее в сжатые сроки, не считаясь ни со спецификой сельскохозяйственного производства, ни с настроениями крестьян» (Есиков, 2005, с. 59). На современном этапе, в связи с доступностью многих архивных документов и появлением новых статей по данной проблематике, назрела необходимость в более объективном и глубоком анализе деятельности рабочих в деревне с учетом анализа всех трудностей, с которыми им пришлось столкнуться.

В рамках данного исследования определены следующие задачи:

- рассмотреть начальный этап мобилизационной кампании по посылке промышленных рабочих в Тамбовский округ с указанием их численности и дальнейшей профессиональной деятельности;
- показать материально-бытовые и профессиональные трудности, с которыми столкнулись рабочие;
- установить характер взаимоотношений рабочих с местными партийно-советскими органами власти;

Для реконструкции и анализа событий изучаемой темы в статье применялся комплекс методов, таких как источниковедческий, метод контент-анализа, статистический и метод исторического описания. При рассмотрении, анализе и дальнейшем обобщении данных архивных материалов необходим был источниковедческий метод. Метод контент-анализа использовался при изучении публикаций и статей по теме исследования, а также при работе с периодической печатью. Статистический метод позволил обработать полученные количественные величины: численность прибывших рабочих, их возраст, партийная принадлежность, процентное соотношение занимаемых ими должностей и т. д. При составлении последовательного изложения исторических фактов и процессов на основе полученных данных из источников и публикаций в статье применялся метод исторического описания. Автор при написании статьи следовал принципам объективности и историзма.

Для решения поставленных задач привлекался широкий круг источников: материалы фондов архива социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО), значительная часть которых ранее не была опубликована; документы и материалы изданных сборников, посвященных отечественной истории изучаемого периода и содержащих сведения об участии промышленных рабочих в коллективизации Тамбовского региона: «Материалы по истории СССР» (1955), «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918-1939» (2004); региональная периодическая печать первой половины 1930 г.: областная газета «Коммуна» и окружная «Тамбовская правда», которые позволяют воссоздать социально-политическую атмосферу проводимой кампании по мобилизации промышленных рабочих при помощи своих публикаций.

Теоретическую основу исследования составили прежде всего работы советского периода, когда тема участия пролетариата в коллективизации широко освещалась. Наиболее значимой является монография В. М. Селунской (1964), где наряду с идеологической составляющей деятельности 25-тысячников в деревне уделено много внимания вопросам их отбора и подготовки на курсах. Ю. С. Борисов (1959) впервые рассматривает вопрос о сроках пребывания 25-тысячников в деревне. В работе П. Н. Шаровой (1963) имеется информация об участии шефских бригад и 25-тысячников в сплошной коллективизации ЦЧО (Центрально-Черноземной области), в частности в Тамбовском округе.

В постсоветский период отечественных исследований, непосредственно посвященных 25-тысячникам, немного. В работе С. А. Есикова (2005) они упоминаются лишь в контексте проводимой коллективизации Центрального Черноземья, где отмечается, также как и в статье (1991), что роль рабочих в проведении коллективизации «неоднозначна и противоречива». Канадская исследовательница Линн Виола (Viola, 1987) в своей работе, посвященной 25-тысячникам, приходит к выводу, что, выполняя все предписания власти, они были идейно убеждены в правильности проводимых ими мероприятий. В этой связи интересен автореферат диссертации Т. Ю. Бойковой (2007), в котором показано воздействие советской идеологии на формирование энтузиазма ленинградских рабочих в 1930-х гг.

Из более поздних публикаций наибольший интерес представляют работы Н. Д. Троценко (2010; 2011) на данную тему, где раскрываются причины, влияющие на адаптацию 25-тысячников к новым социальным функциям, которые привели в итоге к возвращению их на свои производства. В статье А. С. Левакина (2008) подчеркивается нецелесообразность использования 25-тысячников на хозяйственной работе в колхозах в силу отсутствия у них необходимого опыта. Статья А. Н. Сахарова (2008) построена на донесениях из сводок ОГПУ (Объединенного государственного политического управления) об отрицательных проявлениях поведения 25-тысячников. Тамбовский историк А. В. Жигульский (2014) в своей статье акцентирует внимание на взаимоотношениях 25-тысячников с крестьянством, что, по мнению автора, не привело к смычке города и деревни.

Таким образом, при наличии обширного материала о 25-тысячниках в историографии, на современном этапе исследований на эту тему практически не проводилось, особенно по Тамбовскому региону. Вместе с тем участие рабочих шефских бригад в сплошной коллективизации тамбовской деревни и ранее оставалось за рамками исследований. В данной статье представлена прежде не опубликованная информация по указанной проблеме.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты о деятельности промышленных рабочих в преобразованиях деревни могут быть использованы как в образовательных целях при преподавании отечественной истории по теме коллективизации сельского хозяйства, так и в научно-исследовательских разработках по данной теме.

Обсуждения и результаты

Трудности хлебозаготовительных кампаний 1928-1929 гг. способствовали активному привлечению к аграрным мероприятиям деревни городских рабочих. В 1929 г. в период подготовки массовой коллективизации крупнейшие промышленные центры страны взяли шефство над основными сельскохозяйственными областями. Над 11 районами Тамбовского округа приняли шефство заводы Выборгского района Ленинграда. Каждый завод – шеф отдельного района – уже в 1929 г. послал в подшефный район по несколько бригад (Шарова, 1963, с. 86). Кроме этого, Сталинградский тракторострой направил своих рабочих в Кирсановский район. Текстильные производства городов Моршанска и Рассказова шефствовали над своими районами. В основном работа шефских бригад заключалась в помощи колхозам в организованном проведении весеннего сева, в ремонте сельскохозяйственного инвентаря, в хлебозаготовках и т. д. К началу 1930 г. все предприятия Тамбовского округа шефствовали над районами. Полный список всех шефских организаций, распределенных по районам, был опубликован в окружной газете. (Осуществляем пролетарскую смычку, 1930).

В ноябре 1929 г. Пленумом ЦК ВКП(б) была принята директива о сплошной коллективизации основных зерновых областей страны при одновременном решительном наступлении на кулачество. ЦЧО, в состав которой с лета 1928 г. входил Тамбовский округ, относилась к таким областям. Масштаб предстоящей работы был не под силу только региональным властям. Необходимо было укрепить сельские районы кадрами, обладающими организационно-политическим опытом. Было принято решение направить в деревню не менее 25 тысяч промышленных рабочих для постоянной работы в качестве организаторов и руководителей создаваемых коллективных хозяйств.

В ЦЧО в январе-феврале 1930 г. направлялись на колхозную работу 2050 рабочих 25-тысячников, из них в Тамбовский округ 192 человек посылали шефы – заводы Выборгского района Ленинграда (2050 рабочих в колхозы, 1930). В Тамбовском округе было решено на постоянную колхозную работу направить дополнительно еще 150 человек. Райкомам Тамбова, Моршанска и Рассказова, заводу «Красный Боевик» были даны задания «не позднее 6 января закончить отбор рабочих, командируемых на постоянную колхозную работу» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 315, л. 25). Но в связи с приездом ленинградских рабочих часть рабочих тамбовских заводов была отозвана обратно на производство. С 19 января в помощь ленинградским рабочим в деревне осталось 74 чел., среди которых производственные рабочие составляли 36 чел., в том числе – 17 рабочих завода ТВРЗ (Тамбовского вагоноремонтного завода) и 5 рабочих завода «Ревтруд», 3 железнодорожника, по 1 рабочему с завода «Красный боевик», Рассказовской и Арженской фабрик (Материалы по истории СССР, 1955, с. 329).

Таким образом, в тамбовскую деревню было послано около 400 промышленных рабочих, из которых ленинградских рабочих фактически прибыло – 325 чел.: на постоянную работу – 195 чел. и на временную – 130 чел. (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 316, л. 325).

В районах округа не было четкого разграничения между рабочими шефских бригад и 25-тысячниками, прибывшими из Ленинграда. Называли их всех – ленинградские рабочие (ленинградцы). В архивных документах начала 1930-х гг. различия между этими категориями рабочих иногда трудно определить, единственное отличие: одни – временные рабочие (шефские бригады), другие – постоянные (25-тысячники). Но разница между ними заключалась прежде всего в их изначальной подготовке и поставленных задачах. Шефские бригады набирались на определенное время, примерно на 1-2 месяца, для технической помощи колхозам, и на предприятиях не уделялось особого внимания подбору членов бригад по их идейно-моральным качествам. С началом сплошной коллективизации их работу по прибытии на места перестроили, проведя с ними краткосрочный инструктаж по основным вопросам колхозного строительства. Рабочий завода «Русский дизель» Гельчинский, бригадир такой шефской бригады, работавшей в Уваровском районе, так охарактеризовал этот момент: «...Приезжая сюда, мы были совсем не подготовлены, так как мы ехали производить ремонт сельхозинвентаря, а не проводить коллективизацию, и все наши ящики, предназначенные по ремонту, стоят забитыми» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 385, л. 6).

25-тысячники «фактически являлись официальными представителями властей в деле коллективизации» (Есиков, 2005, с. 59), и поэтому их тщательно отбирали из числа добровольцев. Например, на предприятиях Ленинграда на партийных и профсоюзных собраниях рабочие отводили из числа кандидатов в 25-тысячники тех, которые оказывались политически или морально неустойчивыми. В. М. Селунская утверждает, что «отбирались в основном наиболее активные лица, имеющие не менее 3-5 лет выборной общественной работы» (1964, с. 69).

Согласно архивным данным на 165 обследуемых ленинградских рабочих, прибывших на постоянную работу в Тамбовский округ, имеются следующие сведения: по стажу в 5 лет – 17 чел., от 5 до 10 лет – 45 чел., с 10 до 15 лет – 48 чел., свыше 15 лет – 55 чел.; с общественной нагрузкой до 3 лет – 26 чел., с 3 до 5 лет – 61 чел., свыше 5 лет – 60 чел.; по возрасту: 139 чел. от 23 до 40 лет; по партстажу: 89 членов ВКП(б) и 9 членов ВЛКСМ (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 315, л. 15).

Все 25-тысячники прошли специальные курсы, начавшиеся почти повсеместно в первой декаде января 1930 г. В Тамбовском округе курсы к этому времени еще только организовывались в срочном порядке, 4 января окружкомом было дано указание профсоюзным организациям, Колхозсоюзу и др. «немедленно развернуть подготовительную работу (подбор лекторов, подыскание помещения и т. д.) по организации курсов с расчетом открыть курсы 10-го января» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 315, л. 25). По информации, предоставленной В. М. Селунской, «программа курсов подготовки 25-тысячников была утверждена ЦК и была рассчитана на 70 учебных часов, где большое место занимали вопросы политики партии, проводимой в данный период в деревне (18 ч); 40 часов отводилось на изучение организации колхозного производства и основ агротехники» (1964, с. 62). Но Примерный устав сельхозартели был еще не разработан, и изучение организационных вопросов, необходимых при создании колхозов, было в целом формальным.

Следует отметить, что рабочий класс в годы первых пятилеток, и прежде всего молодежь, был сильно идеологизирован. И 25-тысячники, будучи в основной своей массе молодыми людьми, «были особенно восприимчивы к призывам ускорения темпов социалистического строительства» (Байкова, 2007, с. 20). Или, как считает Л. Виола: «Поход 25-тысячников был сплочен энтузиазмом, революционным задором и обостренным патриотизмом...» (Viola, 1987, р. 217). Это в полной мере относилось к ленинградским рабочим, прибывшим в Тамбовский округ. Они «были убеждены в насущной необходимости скорейшего преобразования сельского хозяйства» (Есиков, 2005, с. 59) и искренне верили всем утверждениям официальной пропаганды, развернутой в СМИ в тот период.

Например, в окружной газете «Тамбовская правда» в январе (№ 5) 1930 г. можно было прочесть следующие заголовки, напечатанные крупным шрифтом: «Превратим округ в сплошной колхоз, решительно двинемся на ликвидацию кулачества как класса!» «Колхозы требуют руководителей – наш долг выполнить их требования!». Подкреплялся этот идеологический настрой множеством заметок с просьбами крестьян послать к ним опытных пролетариев примерно такого содержания: «Мы малограмотны, коллективное хозяйство для нас ново... Если нам не пришлют рабочих в колхозы для руководства, то у нас дело не пойдет», – так заявляет гавриловская беднота и середнячество, объединяющиеся в колхозы» (Орлов, 1930). Однако документальные свидетельства раскрывают истинных авторов этих корреспонденций. Одним из решений, принятых Бюро Тамбовского окружкома от 04.01.1930 г., было следующее: «Всем райкомам немедленно развернуть работу в колхозах, добиваясь вынесения общими собраниями колхозников постановлений с просьбой командирования им на постоянную руководящую работу рабочих» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 315, л. 25).

В реальности реакция крестьян на приезд городских рабочих была порой прямо противоположной. В том же селе Гавриловка Пересыпкинского района на заседании сельсовета при обсуждении вопроса приезда ленинградских рабочих член сельсовета – Семикин Дмитрий – говорил: «Не нужны нам сюда рабочие, мы без них лучше обойдемся», «Рабочие хотят на шкуре крестьян построить свое благополучие, что будут у нас над нами пастухами...» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 371, л. 70-73).

Первые группы ленинградских рабочих прибыли в Тамбов еще в декабре 1929 г., а 20 января 1930 г. прибывшим ленинградцам была организована торжественная встреча в духе того времени: со знаменами и плакатами, с оркестром, с митингом (Пролетарская помощь идет, 1930). Находясь в Тамбове в течение 3-х дней, рабочие, не получившие в Ленинграде соответствующую подготовку, прошли краткосрочные инструктивные курсы по коллективизации (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 316, л. 325).

Встреча рабочих в районах прошла уже несколько холоднее. Особенно отличился Пичаевский район: проехавших 15 километров на открытом воздухе (в январе), замерзших, голодных ленинградцев никто не встретил и не предоставил жилья. Они вынуждены были около часа стоять на холоде, а затем сами искать себе ночлег. Этот инцидент получил широкое освещение в печати (Пичаевский этикет, 1930). Такое отношение пичаевских властей к ленинградским рабочим сильно контрастировало с общим восторженным настроением проводимой кампании, но было не единичным случаем. В Ракшинском районе рабочие хотя и «встретили теплой речью, но на этом и успокоились», оставив их «без квартиры, и без хлеба» (Ракшинское радение, 1930). Во многих районах округа рабочие столкнулись с формально-бюрократическим отношением местных властей в лице райкомов, райисполкомов, сельсоветов и кооперативных организаций к обеспечению их самым необходимым: жильем и питанием. Например, в Соседском районе «приехавшие рабочие из Ленинграда пока находятся в довольно плохих условиях: квартир нет, также у некоторых отсутствуют средства для существования. Некоторые выехали без валеных сапог и теплой одежды» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 386, л. 1). В Сампурском районе, несмотря на то, что квартирный вопрос для большинства рабочих был решен удовлетворительно, хуже дело обстояло с питанием, «так как кооперация в настоящее время почти ничего не имеет,

лучше положение тех товарищей, которые устроены на квартиру со “столом”» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 316, л. 82). «Имело место, что двадцатипятидесятники месяцами находились без квартиры и ночевали на ж/д станциях, в сельсоветах, райкомах, не обеспеченные питанием» (Ибрагимов, 1930).

Был и совершенно вопиющий случай, когда у ленинградского рабочего завода «Красная Заря» Э. Р. Кирхова, члена правления П.-Марфинского райколхозполеводсоюза, во время его командировки украли вещи, оставленные в райисполкоме из-за отсутствия квартиры. И он вынужден был обращаться в окружном лично к секретарю Галустяну с просьбой о возмещении убытка (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 316, л.134).

Даже в июле 1930 г., когда жилищные вопросы 25-тысячников были в основном решены, снабжение продуктами оставалось неудовлетворительным. «Решение Тамбовского окружкома о предоставлении 25-тысячникам пайка, установленного тамбовским рабочим, на местах в жизнь не проводится». А все в том же Сампурском районе продовольственная проблема так и не разрешилась – «некоторым 25-тысячникам даже за все время не выдали муки. Им приходилось покупать хлеб в кооперации по повышенным ценам. На просьбу продать продукты в кооперации 25-тысячникам часто предлагали приносить в обмен яйца» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 316, л. 344).

В дальнейшем у рабочих появились материальные трудности в связи с задержкой и невыплатой зарплат. «Рабочим еще не установлена зарплата, и они ничего не получали ни от колхоза, ни от производства. Взятые с собой деньги уже израсходовали. Районные и окружные колхозные организации этим важным бытовым вопросом почти не занимались. Бывают случаи, что рабочие приходят в райколхозсоюз и просят авансом 5-10 руб.» (Разорвать колючую проволоку бюрократизма, 1930).

Согласно постановлению правительства СССР от 29.12.1929 г. 25-тысячникам изначально гарантировалась выплата предприятиями, пославшими их на колхозную работу, разницы между прежним их заработком и полученным ими содержанием в колхозной системе в течение одного года (Селунская, 1964, с. 53). Но на практике имелись факты халатного отношения ленинградских заводов к своевременной высылке разницы, которую 25-тысячники получали с большой задержкой. Рабочий Федосеев с завода им. Карла Маркса, работавший в Ржаксинском районе, доплату с февраля по июль не получил ни разу (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 316, л. 344). Земетчинский райком даже вынужден был обратиться с письмом в Ленинград на завод «Красная Заря» в мае 1930 г. с просьбой уладить вопрос с жалованием рабочего 25-тысячника М. А. Капыльцева, который, работая председателем правления Черносельского куста, получал жалование 50 рублей (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 316, л. 194).

В организациях райколхозсоюзов также задерживали выплаты. В Ракшинском районе «налицо подача заявлений о материальной необеспеченности» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 316, л. 325). В Инжавинском районе вопрос о задержке выплат рабочим обсуждался на бюро райкома, где было принято решение «фракции райисполкома ввиду отсутствия денег в кассе райколхозполеводсоюза ссудить последней 1000 рублей для авансирования рабочих» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 316, л. 83).

Большинство 25-тысячников столкнулись и с трудностями в профессиональной деятельности. Первоначально они были распределены по заранее установленному плану в основном на руководящие должности в системе райколхозсоюзов, кустовых объединений, МТС (машинно-тракторных станций) и т. д. без учета их индивидуальных способностей к той или иной работе. Согласно имеющимся сведениям по ленинградским рабочим, посланным на постоянную работу в Тамбовский округ, на начало февраля 1930 г. в процентном соотношении от общего числа рабочих было назначено: председатели райсоюзов – 9%, председатели кустовых объединений – 25%, председатели укрупненных колхозов – 22,5%, члены правлений райсоюзов – 9%, инструктора райсоюзов – 17%, инструктора кустовых объединений – 8%. А также: «заведующие вновь организуемых МТС – 8 чел., заведующий тракторной мастерской – 1 ч., свеклосуюзу – 6 ч.» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 315, л. 150).

Со временем выяснялось, что некоторые рабочие не соответствуют занимаемым должностям в силу недостатка образования, по личным качествам, а главное в силу недостатка опыта работы в сельском хозяйстве. «С экономической, хозяйственной точки зрения направление на руководящие посты в колхозах представителей рабочего класса представлялось весьма и весьма спорным» (Левакин, 2008, с. 278). Многие 25-тысячники в дальнейшем часто перебрасывались на другие места и порой использовались не по назначению: привлекались к сбору молока для сыроваренных заводов, выполняли обязанности заведующих маленьких кирпичных заводов и т. д. В Инжавинском районе рабочий Лодчинов работал в качестве ремонтного рабочего в коммуне им. Калинина (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 316, л. 344). В Рассказовском районе инструктор животноводсоюза Михайлов «ходил по дворам, определял возраст и вес на глазок поросят, овец, коров и т. д.», при этом будучи абсолютно не компетентным в этом вопросе (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 371, л. 330).

Многочисленные письма 25-тысячников на свои предприятия с жалобами на условия жизни и работы инициировали проверку Ленинградского и Тамбовского ОСПС (областных советов профсоюзов) в июле 1930 г. Составленная в результате докладная записка констатировала, что ленинградским рабочим «приходится работать почти круглые сутки, особенно во время посевной кампании», не имея выходных. «Газеты в большинстве случаев не выписываются, а если и выписываются, то доходят они на места через 3-6 дней». Сельсоветы и кооперация помощи в работе не оказывают, и «даже наоборот, 25-тысячникам приходится самим проводить работу, которая возлагается на данные организации», а это «работа с батрачеством и беднотой, работа среди женщин и т. д., подготовка к революционным праздникам, а также участие в вечерах самодеятельности». (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 316, л. 344). Кроме того, проверкой было установлено, что 25-тысячники вместо работы по укреплению и организации колхозов выполняли такие задания, как опись имущества кулаков, раскулачивание и выселение их (Селунская, 1964, с. 49). В Ракшинском районе из 5 колхозов, руководимых 25-тысячниками, в течение года было раскулачено 85 кулацких хозяйств (Материалы по истории СССР, 1955, с. 517).

В аналогичных мероприятиях были задействованы и ленинградские шефские бригады, которые работали иногда совместно с тамбовскими бригадами рабочих ТВРЗ и курсантов колхозных курсов. Приехав на временную работу, не связанные длительными обязательствами, ленинградские бригады легче адаптировались к условиям деревни. И, что немаловажно, зарплата за ними сохранялась в полном объеме на предприятиях на все время командировки. Поэтому чувствовали они себя независимыми от местных организаций, для которых были бесплатными работниками. «В отношении подготовленности бригад к выполнению работ по коллективизации, то тут ясно, что в этот короткий срок, который пробывали бригады в Тамбове, дать много было невозможно» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 385, л. 7), – отмечал уполномоченный окружкома Костерин, намекая на многочисленные нарушения, допущенные в коллективизации этими бригадами. Да и сами рабочие признавали, что «не все ребята развиты и имеют подход к крестьянству, а поэтому мало пользуются авторитетом, в особенности в проведении коллективизации» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 385, л. 4). Тем не менее бригадами за непродолжительный период времени была проведена большая работа по коллективизации, которая имела требуемый результат. Например, на 20 февраля 1930 г. имеются сведения о том, что бригада ленинградцев из 6 человек в Пересыпкинском районе коллективизировала Вельможинский, Новоздвиженский, Васильевский, Паниковский сельсоветы на 100%, а Покровский на 60%. В П.-Марфинском районе на 15 февраля «объединилось девять населенных пунктов в один колхоз “Красная Заря” благодаря помощи рабочих шефа завода “Красная Заря”» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 386, л. 1). При этом ленинградцы в деревнях успевали еще и ремонтировать сельхозинвентарь, заниматься сбором семенного фонда, организовывать контрактацию на трактора, а в некоторых сельсоветах проводили еще и пере выборы (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 386, л. 1).

Как им удавалось добиваться таких результатов, ленинградцы объяснили на отчетном совещании в Тамбове 21.02.1930 г., где всеми бригадами было отмечено отсутствие помощи со стороны районных властей в вопросах коллективизации: «Провели с нами совещание и только. Никаких методов нам не предлагали, а также и разъяснений» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 385, л. 6). Каждая бригада самостоятельно выбирала методы коллективизации. Как отмечал С. А. Есиков, «сторонников нажимных методов работы с крестьянами, скорейшего завершения коллективизации было много» (2005, с. 59). Но некоторые, например, бригада Гельчинского, при организации колхозов старались соблюдать принцип добровольности крестьян, как при голосовании, так и при оформлении подписных листов, «с которыми обходили крестьян для вступления в колхозы». Но в обоих случаях оказывали на крестьян скрытое давление, заставляя тех, кто был против вступления в колхоз писать заявление об отказе (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 385, л. 5).

Другие бригады сначала принимали «меры по вербовке в партию батраков и бедноты» и уже с этим активом добивались желаемого результата (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 385, л. 4). Были и такие методы: «На пленуме сельсовета был сделан доклад, где постановили всем вступить в колхоз». (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 385, л. 6). Иногда доходило до того, что крестьян принуждали вступать в колхозы, применяя угрозы, особенно в этом отличились тамбовские рабочие, которые, например, заявляли, что «кто не идет в колхоз, тот против советской власти» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 385, л. 6).

Основным же методом по ускорению темпов коллективизации и тамбовские, и ленинградские рабочие считали раскулачивание, о чем они открыто и говорили: «Главное – организации колхозов помогли: раскулачивание, выселение, конфискация имущества» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 385, л. 4). Неслучайно «середняк больше шел в колхоз», боясь быть раскулаченным (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 385, л. 4). Кулаков, отговаривавших крестьян от вступления в колхозы, сразу арестовывали: «Приняты были меры и 2-х отправили куда нужно»; «Выявили кулаков, виновных в этом деле и предали суду» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 385, л. 4). Секретарь Ржаксинского РК (Районного комитета партии) Лаврухин отмечал, что «решающим в быстром достижении практических результатов коллективизации явился приезд ленинградской рабочей бригады, с одновременным применением более репрессивных мер по отношению к кулачеству – беспощадного его подавления» (ГАСПИТО, ф. П-320, оп. 1, д. 13, л. 1).

Не все ленинградские рабочие, столкнувшись в реальности с таким мероприятием как «ликвидация кулачества как класса», пропагандируемым в печати, на всех собраниях и совещаниях, теоретически изученным ими на курсах, одобряли методы проводимого раскулачивания. Так, рабочий Козловский, работавший в Бондарском районе, категорически отказался участвовать в раскулачивании и, несмотря на угрозы работников окружкома и райкома, никому не сказав, уехал из района (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 386, л. 1).

В сообщениях райкомов округа содержится информация о том, что ленинградские рабочие «недопонимают мероприятия партии по ликвидации кулачества как класса». Бондарский РК сообщал: «...Нужно кулака раскулачить, а приходится слышать, что “как же его раскулачивать, когда он имеет маломощное хозяйство”». «Ленинградские рабочие на совещаниях высказывают свое мнение, что они не для того приехали, чтобы ходить и описывать имущество в кулацких хозяйствах», – докладывали пичаевские власти. Но дальше высказываний чаще всего дело не шло, «после практического указания товарищи выправляются» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 386, л. 1). Характерен в этой связи пример по Инжавинскому району. Ленинградский рабочий Николаев не согласился с методом раскулачивания двух хозяйств и высказал свое мнение: «Получается грабеж крестьян ночью». В итоге он подвергся обсуждению на заседании райкома «за внесение в обостренной политической обстановке разногласия по работе», его вынудили признать свою ошибку, в качестве наказания – «поставили на вид» и перевели в другой колхоз (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 316, л. 83).

Были со стороны рабочих и случаи проявления сочувствия к раскулачиваемым крестьянам. Как следует из отчета секретаря Пичаевского РК, «в селе Байловка уполномоченные Егоров и Новиков (ленинградец), несмотря

на детальное инструктирование райкома как надо проводить работу, при выселении 2-х семей кулаков сидели до рассвета, уговаривали кулака Дьяконова, который категорически отказался от поездки, и ждали, когда родственники придут к отправляемым и простятся». В с. Вяжли «при выселении кулаков уполномоченные ленинградец Морценкевич и нижегородец Монахов тоже допустили слишком много демократий с кулаком и не отправили его до рассвета» (ГАСПИТО, ф. П-808, оп. 1, д. 61, л. 79-80).

Не решаясь пойти против «генеральной линии партии» по вопросам коллективизации, ленинградцы не оставляли без внимания и критики нарушения и злоупотребления местных властей. На совещании в Тамбове от ленинградских бригадиров особенно много прозвучало критических высказываний в адрес властей. Говорилось прежде всего об их бездействии, а порой и даже о препятствии коллективизации: «На собраниях, когда вопрос стоит об организации колхоза, то члены сельсовета при голосовании с собрания разбегаются». «Есть работник (Стриженев), который два раза сорвал организацию колхозов». «Быков – председатель колхоза... подрывает коллективное строительство. Крестьяне определенно говорят, когда Быкова не будет в колхозе, тогда мы пойдем в колхоз». «Некоторые сельсоветы занимаются пьянкой». «Мероприятия местной власти, а именно, перепись кур, лошадей, свиней и т. д. пугало крестьян, и вступившие в колхозы обратно выходили из них». Вскрывались рабочие и нарушения при раскулачивании: «Конфискуемое имущество сыпалось без всякого веса и учета и т. д., некоторые вещи брались по рукам». Выступали они и в защиту крестьян: «Во время хлебозаготовительной кампании у крестьян взят весь хлеб, а теперь у них нет семян, а комиссии по сбору семян извращают положение..., а также есть случаи, что данные комиссии пьянствуют». «В отношении 28 ст. есть перегибы, некоторые крестьяне обложению не подлежат» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 385, л. 3-7).

Реакция властей на критику была крайне отрицательной и порой выливалась «в открытое третирование и травлю» рабочих (Советская деревня глазами..., 2004, с. 629). И такой факт имел место в Уваровском районе, после выступления старшего бригадира Николаева на совещании в Тамбове с обширной критикой местных властей. Рабочие, находящиеся в его подчинении, отработав положенный срок, несмотря на приказ остаться, самовольно уехали в Ленинград в конце марта 1930 г. Сам Николаев остался. В ответ на это Уваровский РК написал письмо на завод «Русский дизель» и Выборгский РК с требованием «за срыв работы по коллективизации исключить данных товарищей из рядов партии», в том числе и Николаева, который был назван инициатором этого «антипартийного поступка» и обвинен в бездействии «по удержанию» рабочих. В итоге РК постановил «против выезда Николаева не возражать» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 316, л. 273).

В архивных материалах множество докладных записок районных властей, содержащих сведения о неблагоприятных поступках отдельных ленинградцев. Чаще всего их обвиняют в пьянстве и в отлынивании от работы. Особенно много случаев пьянства было зафиксировано среди рабочих шефских бригад, и об этом также говорилось на совещании бригадиров: «Пьянка и дезертирство среди наших ребят – здорово смазали наше рабочее лицо». (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 385, л. 7).

Среди 25-тысячников, несмотря на тщательный отбор, немало оказалось «прогульщиков, людей, отличавшихся рваческими наклонностями» (Сахаров, 2008, с. 57). Например, рабочие Бобров (Мучкапский район) и Орлов (Пересыпкинский район) безответственно относились к своим обязанностям председателей райколхозополесоюзов. Первый «вместо руководства, катался на лошадях и часто отлучался на длительные сроки в Тамбов, совершенно не интересуясь работой порученного учреждения», а второй «не желает работать, спуская рукава смотрит на дело, имеет тенденцию удрать» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 316, л. 325, 344).

«В числе добровольцев были и лица, не раз привлеченные к разным видам ответственности» (Жигульский, 2014, с. 127). Так, например, рабочие Афанасьев (Соседский район) и Спиридонов (Моршанский район), за систематическую пьянку снятые с руководящих должностей райкомами, ранее, как показано в их учетных партийных карточках, уже имели проблемы с пьянством. А Афанасьев даже имел судимость за правонарушение (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 316, л. 76, л. 149).

Остальные рабочие, уличенные в пьянстве (а таких примеров предостаточно), имели вполне хорошие характеристики до поездки в деревню. И, учитывая вышеизложенную ситуацию с бригадиром Николаевым, можно допустить, что какие-то проступки ленинградцев могли быть властями умышленно преувеличены, что и отмечено в областной газете «Коммуна»: «Попытки уронить авторитет командированных на постоянную работу, попытки отстранить их от руководящей работы – до настоящего времени не изучены, им не дан отпор, их поступки не расследованы» (Больше чуткости к «25000», 1930).

Местные власти в период после постановления ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партии в колхозном движении» пытались свалить свою вину исключительно на рабочих. В резолюции окружного совещания 25-тысячников (май 1930 г.) отмечалось, что «25-тысячники вместе со своей организацией ответственны за перегибы и ошибки, допущенные в практике коллективизации» (ГАСПИТО, ф. П-998, оп. 1, д. 66, л. 196).

Тяжелые условия жизни и работы в целом способствовали тому, что рабочие стремились уехать обратно на свои предприятия. Но партийные власти, в лице окружного и райкомов, следуя указаниям областных властей «добиваться закрепления рабочих на деревенской работе», всячески препятствовали отъезду (Ибрагимов, 1930). Причем эти требования распространялись не только на 25-тысячников, но и на шефские бригады: «Старшие бригадиры недооценивают важности наших задач, имеют стремление уехать в Ленинград, считая, что как будто уже все сделано, но надо сказать, что работа только начинается...», – говорилось на совещании бригадиров в Тамбове (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 385, л. 7).

Отъезд некоторых рабочих назад на свои предприятия расценивался как дезертирство, и поначалу следовал приказ немедленно вернуться назад. «Из Соседского и Бондарского районов по одному товарищу самовольно выезжали в Ленинград, но были возвращены назад Выборгским райкомом» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 316, л. 325).

Но не всегда это оставалось безнаказанным. Показателен случай с 25-тысячниками Мезенцевым и Рейниковым, работавшими соответственно в Бондарском и Сампурском районах, которые за систематическое пьянство и недостойное поведение были отправлены обратно в Ленинград на завод «Красная Заря». На заводском партсобрании 13.02.1930 г. их вместе с самовольно уехавшим Татаржинским (П.-Марфинский район) лишили членства профсоюза, исключили из партии и было рекомендовано «не принимать их на работу завода, взыскать с них выданные деньги на дорогу в том случае, когда они поступят на работу на другие заводы». Причем поступок дезертировавшего Татаржинского считался в равной степени недопустимым. Решение собрания было опубликовано в заводской, Ленинградской и Тамбовской печати (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 316, л. 99).

Некоторые ленинградцы пытались добиться разрешения местных властей на отъезд «ввиду своей малограмотности и неопытности». Именно так мотивировал свою просьбу об освобождении от должности председателя ржаксинского колхоза «Сталь» рабочий Т. И. Романенко, и он был отправлен в Ленинград «как оказавшийся неспособным к работе» с сопроводительным письмом в Выборгский РК (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 316, л. 101).

Без последствий могли уехать только по уважительной причине, которой считалась серьезная болезнь, например, туберкулез (распространенный среди ленинградцев) в стадии обострения, подтвержденный заключением врачей (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 316, л. 198). Часто «причинами болезней становились перенапряжение и плохие материально-бытовые условия» (Троценко, 2010, с. 289). Как это случилось с 25-тысячником Н. Н. Бородулиным, работавшим инструктором райколхозполеводсоюза в П.-Марфинском районе, у которого по заключению психиатрической комиссии стали проявляться «симптомы невроза навязчивых идей». Но районные и окружные власти посчитали его симулянтом и перевели в Тамбов на более легкую работу, в кролиководное хозяйство. И только через 4 месяца, когда он, находясь в состоянии глубокой депрессии, написал странное письмо в окружном, ему было дано разрешение на отъезд с формулировкой: «Надо его отпустить обратно в Ленинград, заключение врачей такое, что верно, он сильно устал, продолжая здесь работать» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 316, л. 222-223).

В информационной справке ОГПУ подчеркнута: «Как следствие ненормальных условий работы, недостаточного внимания и отсутствия практического руководства со стороны местных организаций, среди части 25-тысячников отмечаются упадочнические настроения и тенденции к уходу с деревенской работы». В этом же документе отмечено, что зарегистрировано два случая самоубийства среди 25-тысячников в ЦЧО, одно из них в Рассказовском районе Тамбовского округа, причем «причинами явилось нечуткое отношение местных организаций и ненормальные условия работы» (Советская деревня глазами..., 2004, с. 630). Эти же причины могли косвенно повлиять и на многочисленные случаи пьянства среди 25-тысячников.

Сложные отношения, сложившиеся с местными властями у рабочих, были уже изначально предопределены. Работников низового партийно-советского аппарата, считавших, что с присылкой 25-тысячников снижается их значение, раздражал «ревизионический подход к местным организациям» со стороны ленинградцев (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 385, л. 7). «Мобилизация “двадцатипяти тысячников” демонстрировала партийным и руководящим работникам на селе потенциальное недоверие к ним со стороны центрального руководства», – подчеркивает Н. Д. Троценко (2011, с. 41) И такую установку можно проследить на страницах областной и окружной газет «Коммуна» и «Тамбовская правда», где неожиданно смело критиковались районные и сельские власти.

При посылке рабочих 25-тысячников в деревню не устанавливались точные сроки их пребывания на новых местах. Допускалось, видимо, что они останутся жить в деревне постоянно. Но за ними оставалось право в течении трех лет при возвращении обратно немедленно поступить на прежнюю работу и получить жилплощадь (Борисов, 1959, с. 80). Но уже к июню 1930 г. по данным отчета колхозсоюза ЦЧО выбыло на свое производство по разным причинам 5% 25-тысячников (Материалы по истории СССР, 1955, с. 486). По Тамбовскому округу есть сведения на конец марта 1930 г. по 14 районам: из 125 рабочих выбыло 17 (3 по болезни), а это – 13,5% (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 316, л. 275).

После мартовского 1930 г. постановления ЦК о перегибах в коллективизации и раскулачивании «в связи с распадом колхозов и освобождением значительной части рабочих 25-тысячников» решением обкома ЦЧО от 27.04.1930 г. их начали перераспределять на руководящую работу в районные аппараты власти, на партработу, председателями сельсоветов и т. д. (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 316, л. 308). Но фактически многих рабочих, кому не нашлось применения, из районов отправляли обратно в Тамбов. Иногда перебрасывали с места на место по несколько раз и в результате устраивали в тамбовские ремонтные мастерские. Подобная ситуация изложена в письме ленинградского рабочего от 05.05.1930 г.: «Не нужны мы здесь в том количестве в каком нас прислали... Из Ленинграда приехала масса рабочих высококвалифицированных, в которых государство очень нуждается, а они здесь от безделья время проводят» (ГАСПИТО, ф. П-855, оп. 1, д. 371, л. 330).

Наконец, в конце августа вышло постановление обкома ЦЧО, где поручалось «райкомам не позднее 15 сентября проверить персонально состав 25-тысячников и определить тех, которые оказались подходящими для работы в условиях сельской обстановки, и которые без ущерба для дела могут быть откомандированы обратно на предприятия» (Постановление бюро Обкома ВКП(б), 1930).

Заключение

Участие рабочих в проведении сплошной коллективизации в Тамбовской округе трудно оценить однозначно. С одной стороны, приезд большого количества рабочих из Ленинграда, пусть даже на небольшой срок, оказал положительное влияние на развитие деревни в социально-политической и культурной сферах. Рабочие

много сделали и в плане технической помощи колхозам: по ремонту сельхозинвентаря, по электрификации отдельных колхозов, по созданию первых МТС, обучению местных кадров (механиков, трактористов).

Основной задачей, стоящей как перед 25-тысячниками, так и перед рабочими шефских бригад, было добиться максимального процента (желательно 100%) коллективизации крестьянских хозяйств в Тамбовском округе с одновременной ликвидацией кулачества как класса. Однако местные партийно-советские органы власти не оказывали должного руководства и помощи рабочим в этих мероприятиях, ограничиваясь лишь присылкой различных циркуляров и директив. Перегибы и нарушения, допущенные рабочими в деле коллективизации и раскулачивания, были следствием их абсолютной убежденности в правильности государственной политики, проводимой в деревне, и поэтому они стремились к достижению результата любой ценой. Этому способствовала и принятая установка властей ЦЧО о форсировании темпов коллективизации за два года.

Призванные государством для социалистических преобразований в сельском хозяйстве рабочие 25-тысячники не смогли в полной мере осуществить возложенные на них задачи. Выполняя непривычные для себя функции руководящей и организационно-хозяйственной деятельности, не зная специфики сельского производства, имея при этом низкий образовательный уровень, они столкнулись с большими профессиональными и психологическими трудностями, которые, как и трудности материально-бытового плана, способствовали их стремлению к отъезду на свои производства. А шефство над колхозами промышленных предприятий получило свое дальнейшее развитие, и рабочие бригады активно участвовали в решении всех хозяйственных проблем, возникающих в процессе реформирования сельского хозяйства.

К перспективам дальнейших исследований следует отнести изучение характера взаимоотношений рабочих шефских бригад и 25-тысячников с тамбовским крестьянством в период проведения сплошной коллективизации.

Материалы исследования | Research materials

1. Больше чуткости к «25000» // Коммуна. 1930. № 48.
2. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-320. Оп. 1. Ржаксинский райком ВКП(б). 1928-1962.
3. ГАСПИТО. Ф. П-808. Оп. 1. Пичаевский райком ВКП(б). 1928-1962.
4. ГАСПИТО. Ф. П-855. Оп. 1. Тамбовский окружной комитет ВКП(б). 1928-1930.
5. ГАСПИТО. Ф. П-998. Оп. 1. Моршанский райком ВКП(б). 1928-1962.
6. Ибрагимов Ш. Обеспечить нормальные условия для работы «двадцатипятидесятников» // Коммуна. 1930. № 111.
7. Материалы по истории СССР: документы по истории советского общества: в 7 т. М.: Академия Наук СССР, 1955. Т. 1.
8. Орлов Д. Шлите рабочих руководителей // Тамбовская правда. 1930. № 21.
9. Осуществляем пролетарскую смычку // Тамбовская правда. 1930. № 5.
10. Пичаевский этикет // Тамбовская правда. 1930. № 35.
11. Постановление бюро Обкома ВКП(б) // Коммуна. 1930. № 195.
12. Пролетарская помощь идет // Тамбовская правда. 1930. № 17.
13. Разорвать колючую проволоку бюрократизма // Коммуна. 1930. № 60.
14. Ракшинское радение // Тамбовская правда. 1930. № 35.
15. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918-1939: документы и материалы: в 4 т. М.: РОСПЭН, 2004. Т. 3. 1930-1934 гг. Кн. 1. 1930-1931 гг.
16. 2050 рабочих в колхозы // Коммуна. 1930. № 2.

Источники | References

1. Байкова Т. Ю. Общественное сознание ленинградских рабочих в годы предвоенных пятилеток (1928-1941 гг.): автореф. дисс. ... к. ист. н. СПб., 2007.
2. Борисов Ю. С. 25-тысячники. М.: Политиздат, 1959.
3. Жигульский А. В. Тамбовское крестьянство и 25-тысячники в строительстве колхозов. Опыт взаимодействия // Вестник Тамбовского университета. 2014. № 9.
4. Есиков С. А. «Великий перелом» и рабочий класс // Наш край Тамбовский: тезисы докладов. Тамбов, 1991.
5. Есиков С. А. Коллективизация в Центральном Черноземье: предпосылки и осуществление (1929-1933 гг.). Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2005.
6. Левакин А. С. Рабочие-двадцатипятидесятники в составе колхозной администрации на юге России: бытовые и профессиональные аспекты // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. № 73.
7. Сахаров А. Н. 1930: год «коренного перелома» и начало «большого террора» // Вопросы истории. 2008. № 9.
8. Селунская В. М. Рабочие-двадцатипятидесятники. М.: Изд-во МГУ, 1964.
9. Троценко Н. Д. Двадцатипятидесятники в Западной Сибири: реализация социально-мобилизационных функций (1930-1931 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1.

10. Троценко Н. Д. Проблемы адаптации 25-тысячников в условиях коллективизации Западно-Сибирской деревни (1930-1933 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, философия. 2010. Т. 9. № 1.
11. Шарова П. Н. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземном районе (1928-1932 гг.). М.: Изд.-во Академии наук СССР, 1963.
12. Viola L. The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization. N. Y.: Oxford University Press, 1987.

Информация об авторах | Author information

Косенков Илья Анатольевич¹

¹ Тамбовский государственный технический институт

Илья Anatolyevich Kosenkov¹

¹ Tambov State Technical University

¹ iliakosencov@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.12.2025; опубликовано online (published online): 16.12.2025.

Ключевые слова (keywords): взаимодействие с властью; материально-бытовые трудности; методы коллективизации; шефские бригады; 25-тысячники; interaction with the authorities; material and household difficulties; methods of collectivization; supervisory brigades; 25,000 workers.